ПОЧЕМУ ТУЖИМЫЙ ЖЕЛЕЗУЖИМЫЙ?

1 июня 1984 года «Советская культура» рассказывала о заседании бюро Пермского обкома партии, где были выявлены серьезные недостатки и настоятельные тенденции в работе Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского. Дважды после этого обкома возвращался к делам театра и вновь отмечал, что улучшения работы не произошло. Решение бюро обкома с контроля не снято. Неделю срок его действия продлен до июня 1987 года. Чем это вызвано?

ЕЩЕ несколько лет назад в театральные круги гремел так называемый «пермский феномен». За Театром оперы и балета им. П. И. Чайковского прочно закрепились слава «жемчужины Прикамья». Блестящая труппа, оригинальный репертуар обеспечивали постоянный зрительский интерес. Плановая заполняемость зала на 1.014 мест достигала 99 процентов.

И вот внешне ситуация, на оперу «Мать» продано 372 билета, двухсерийный спектакль «Война и мир» 325 и 322. Резко снизился интерес зрителей и к другим оперным спектаклям, в том числе к новым. Правда, на билет зрители по-прежнему идут охотнее, а это существенно поднимает средний процент заполняемости зала пока достаточно высокий. Но даже на вечерних спектаклях повсюду мелькают школьные бантики, а контролеры выдают о тех временах, когда «дети до 16» по вечерам в театр не допускались.

Стало бысть, есть основания для беспокойства обкома. Очевидно, оправдан и новый срок проверки решения бюро.

«В театре не налажен последний контроль за качеством спектаклей текущего репертуара». (Из решения бюро Пермского обкома КПСС.)

ПРИЕХАВ в Пермь, мы в первый же вечер попали на «Искателей жемчуга». Признать, это было жалкое зрелище. Великоленино звучащие голоса не могли спасти полностью обветшавший репертуар, давно не реставрированный спектакль. В весьма плачевном состоянии ряд других оперных постановок. По существу, последний контроль за качеством — фикция. Иначе обыкновенная профессиональная совесть взбунтовалась бы против ежегодных записей в журнале: «Спектакль прошел хорошо». Иначе не кочевал бы на одного решения партийного собрания в другое повторяющийся пункт. «Усилить контроль за текущим репертуаром». Правда, время от времени некоторые спектакли ставятся на капитальное возобновление. Но система, есть ли здесь план, системы.

В апреле около двадцати балетов и около тридцати опер. Слово «оперно» не авторская небрежность. Точною черепашь прокатных спектаклей просто нет. Отдельные названия по неслучайности всплывают вновь, помимо решений художественного совета. Растаяли бесследно «Виринея» и «Лакме», едва жива «Орлеанская дева» — она показана два раза за последние два с половиной года. Мимолетным влечением мелькнула «Нежность»,

лишь четыре раза вышла на сцену «Снегурочка». Стоит ли удивляться, что ветшают наряд и исполнительская культура этих спектаклей, а занятые в них солисты обречены на профессиональную дисквалификацию.

Как сохранить нужную форму, если в год пошь 15 спектаклей вместо 80? — справедливо спрашивали солисты на партийном собрании, критику сложившуюся практику планирования текущего репертуара.

Был от времени в театре спохватываются, и вокруг некоторых взаимных возникших лихорадочное кружение. Так, в апреле прошлого года, когда не удалось справиться с финансовым планом, худсовет принимает решение, «личности соответствующим образом взять на себя» цены «десять постановок», шесть из которых объявлены «капитальным возобновлением». На возобновление «Аиды» «шестидесять» выделяется две (!) сценические репетиции. А результат спектакля «в возмозволенном виде» достигнуты за счет гастролей в Ленинград и запланировали концертное исполнение оперы.

На днях состоялась премьера «Лебединого озера». По сути дела, балет никогда не сходил с пермской сцены и «возобновление» свелось к переводу исполнителей в новые костюмы. Но при чем тут «премьера»? Напомним, что «возобновление» — это, по театральным понятиям, половина плановой единицы. Подменяя несметными прилагавшимся необходимому кропотливую работу над обновленным спектаклем театр дезинформирует контрольные органы, обманывает и зрителя. Стоит ли удивляться, что публика перестает верить своему театру? И задает вполне резонные вопросы: почему возобновляются опера «Война и мир», премьера которой состоялась в 1932 году балет «Ромео и Джульетта», объявляющийся возобновленным в 1983 году?

Согласится, весьма ловкий способ привлечь зрителя «на премьеру» и заодно задеть финансовые пружины премьерных расписания.

«В театре не обеспечена плановая творческих и производственных процессов, недостаточно премьерных спектаклей, затянута роль художественного совета». (Из отчета отдела культуры обкома КПСС.)

Что касается настоящих премьер, то за последние пять с половиной лет, афиша классика пополнилась всего тремя названиями. Продуманную репертуражную политику, художественную концепцию и здесь обнаружить не удалось. Забыт одобренный на бюро обкома замысел иметь в репертуаре все

произведения Чайковского, имя которого носит театр. Угасла слава театра как «лаборатории советской оперы». В план 1985 года художественный совет утверждает оперы «Хованщина», «Свадьба Фигаро», балеты «Спартак» и «Учтенную симфонию». Через три месяца на заседании партбюро вместо «Свадьбы Фигаро» уже значится опера «Мать». А на следующий день на партийном собрании главный режиссер Э. Пасынков член партийного бюро театра, предлагает отложить постановку оперы «Мать» на год, оттянуть срок выпуска «Хованщины», заменить «Ленинградскую симфонию» симфоническим-концертом «Памать», на подготовку которого отводится всего десять дней. И хотя предложение главного режиссера переносит ранее принятые планы, решающее слово остается за ним.

Подобные вариации названий повторяются: к примеру, «Отелло» и «Маугли», «Юлия и Ламмермур», «Евгений Онегин» 1984-го художественным руководством театра, отменяясь о ходе выполнения решения бюро обкома, сообщая, что начата совместная работа с А. Холминовым по созданию оперы «Чайковский» адресуется опера П. Крылатова по мотивам произведения Гайтара. Бюджет поставлен балет «Венета» на музыку Е. Готт. Этих премьер нет и понятия.

Какова роль общественных институтов, неужели они спокойно наблюдают беды театра? Нет, конечно. На состоявшейся недавно отчетно-выборной профсоюзной конференции заведующий постановочной частью С. Ганевич напомнил, как в трудное время, в начале пятидесятых годов, театр ежегодно давал по шесть-семь премьер, а сейчас — «двести от силы. Художественный совет, как правило, принимает лишь формальную, без макета, без сметы, без технических чертежей, хотя при нормальном планировании производственных цехов вполне справились бы и с семью премьерами в сезоне, а не работали в состоянии хронического аврала. Так, смета по спектаклю «Иван Султанов» была составлена лишь после премьеры, а не за полгода до нее.

Не раз на различных собраниях критиковалась негодная практика, когда спектакль сначала показывается зрителю, а лишь потом факт премьеры констатируется худсоветом, который в пермском театре перешел на положение отстранки, оказавшегося на обочине творческого процесса.

За два с половиной последних года на заседаниях худсовета не обсуждалось ни одной творческой проблемы. Давно не выступал критик, не проводится дискуссий, хотя все это — признания и безотказные формы внутри-театральной жизни, способствующие рациональному использованию художественных возможностей труппы.

Эйфория восторга от верных в стране постановок

опер Прокофьева «Огненный ангел» и «Война и мир», в двухвечерном варианте, феерией крупных мероприятий, освещенных великими именами Чайковского и Прокофьева, утвердил в Пермской атмосфере почитания, даже восторг, восторг, которая стала слышаться во круг главного режиссера театра Э. Пасынкова. Впрочем, обмани не только Э. Пасынкова. Много лет поклонники театра боговолят действительности прекрасную певицу Л. Соляник, и не замечают, что за последние шесть лет знаменитая Виолетта не спела ни в одной премьере, что очень редко стали выходить на сцену и другие признанные мастера пермской оперы. Обожание и любовь — разное состояние. Любовь — заблуждение и греботельня. Обожание — слово, безоглядное, оно позволило забыть «пермский феномен» родился задолго до шумного фестивального бала. Он сформировался и объяснялся устойчивым высоким уровнем всех — и старых и новых — спектаклей. В театре царил «монолог» повышенной требовательности, была в почете искренняя преданность классике, придирчивая верность традициям вокальной и хореографической школы, творческой ответственности и дисциплины. Наградой стало право называться «Домом Чайковского», честь проводить фестивали имени великого композитора.

Уже через год после решения бюро обкома коммунисты на своем собрании пришли к выводу, что коренного улучшения работы не произошло, а усилия партбюро по обеспечению планового творческого и производственного процесса не дали результата. Бюро не удалось повысить персональную ответственность художественных и административных руководителей за свой участок работы. Безнадежно срывалась репертура в плане: забыта практика выездных спектаклей, продолжают предприниматься авралы, в коллективе снижается творческая требовательность.

Но и после этого собрания партбюро не потребовало от руководителей отчетов. Хуже всего обстоят дела с решениями партбюро все чаще стало лишь «принимать к сведению» информацию о состоянии дел, и очень скоро охотилось, как было сказано на очередном партсобрании, «в хвост», а не «в голову событи».

После пятого и профком: на 1986 год не подписан коллективный договор, не приняты социалистические обязательства, в течение девяти месяцев не проводились общие профсоюзные собрания коллектива.

Негативные факты накапливались судорожно и ошеломительно. Не ставило себя в наезд. Профсоюзное собрание цехов солистов оперы выразило недоверие главному режиссеру театра Э. Пасынкову и обратилось в партийные органы и управление культуры с просьбой об освобождении его от должности.

Главные специалисты —

директор А. Анисимов, балетмейстер В. Салимбеков, художник В. Герасименко, хормейстер В. Васильев ответили письмом в профсоюзный комитет театра. Письмом, незрелым по формулировкам, тенденциозным и по сути перекладывающим все ответственности критические замечания в адрес художественного руководства.

Профсоюзный комитет вместо открытого обсуждения поставленных солистами проблем упорядочения творческой жизни коллектива предпочел замкнуть случившееся весьма своеобразным способом: принять собрание в цехе солистов неправомочным и отменить его решение. Нашлись и две причины: «Решение не соответствует повестке дня», «Отсутствие Э. Пасынкова на собрании».

Заметим, что председатель профкома Ю. Инонин присутствовал на этом собрании. Но тогда ни он, ни также участвовавшие в этом собрании представители обкома партии и областного управления культуры в правомочности собрания не усомнились. Ответа же в адрес решения коллективу пришлось ждать пять месяцев. За это время секретарь парторганизации О. Левенков выслушал немало горьких упреков. В коллективе люди требовали от него принципиальной оценки, выводов и в управлении культуры, в отделе культуры обкома партии оговорили: «Не трогайте Пасынкова! Мы его в обиду не дадим. Где мы найдем другого главного — их для столпящих театров не хватает». Откровенно проявлялось стремление переложить ответственность за все происшедшее на уволенного на пенсию директора И. Будрина, свести возникший на деловой основе конфликт к «очередной театральной склоке» и в этом качестве его решительно пресечь. А склоки не было. Была последовательная и нелицеприятная критика. Только критика, а критика она игнорировалась, а проблемы обострились.

В ходе недавнего отчета Пермского обкома партии в ЦК КПСС и принятом постановлении отмечалось, что в стиле работы сказывается утвердившаяся привычка обходить острые углы, довольствоваться средними результатами. Плановая статистика Пермского оперного театра во многом — следствие такого стиля руководства учреждениями искусства. Ведь внешне были выданы на вооружение все привычные для таких случаев меры участия и контроля (только напомним секретаря профкома В. Хотов — трижды поочередно встречался с коллективными цехов театра), формально были выслушаны, зафиксированы все мнения. А вот настоящего анализа — не было. И не этот единственный справедливый критерий ставился во главу угла, а личные пристрастия, симпатии и антипатии главного режиссера.

Пермский театр оперы и балета входит в эксперимент в состоянии административно-художественного кризиса. И снять с контроля решение бюро обкома можно будет только, когда в театре удастся восстановить требовательную творческую дисциплину. Она и вернет блеск потускневшей «жемчужине Прикамья».

Г. ВЛАДИМИРОВА,
Л. САВИЦКАЯ,
наши спец. корр.

ПЕРМЬ.